

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ФИЛОСОФСКИЕ СЮЖЕТЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

Аннотация. Давно известна прогностическая мощь философии. Всем знакома также безмерность художественной интуиции. Перечитывая сегодня таких писателей-фантастов, как Иван Ефремов, Станислав Лем, Артур Кларк, братья Стругацкие, Рэй Брэдбери, Альфред Гаррисон, Карл Воннегут и других авторов, мы можем поразиться числу их предвидений. В произведениях американского писателя Роберта Шекли множество философских сюжетов. Его выдумки неиссякаемы. Однако это не просто причуды воображения. Писатель пытается понять, какие последствия общественного уклада или научных открытий могут ожидать человечество в будущем.

Использованы методы герменевтического проникновения в замыслы автора. С помощью сатирических приёмов показаны ситуации абсурда, бессмыслицы, рождённые прогрессом.

Рассказы Р. Шекли впервые анализируются как философские сюжеты. Автор подчёркивает, что писатель, знакомый с психоанализом и гештальт-психологией, стремится выявить их прогностический смысл. Он показывает, что реальность зачастую оказывается лишь хрупкой картинкой, созданной чувствами, памятью, опытом и воображением. Реальность, окружающая нас, на самом деле фиктивна. Она состоит из миллиона деталей, которые укоренены в подсознании и могут явить свою востребованность по любому поводу.

Ключевые слова: философия, литература, фантазия, психоанализ, гештальт-психология, техника, убийство, жестокость, галлюцинации, преступность.

Abstract. The predicting power of philosophy is well known. Everyone also knows how immense artistic intuition can be. Rereading such science fiction authors as Ivan Efremov, Stanislav Lem, Arthur Clarke, the Strugatsky brothers, Ray Bradbury, Alfred Harrison, Kurt Vonnegut and others, we can be surprised at how much they predicted. American writer Robert Sheckley has a lot of philosophical plots in his works, too. His imagination has no limits. However, these are not just fruits of imagination as it seems. The writer tried to understand what consequences social transformations and scientific discoveries could have for the human future. In this research Gurevich uses the method of hermeneutical analysis that allows to understand the writer's messages. Using satire the author describes absurd situations created by the technological progress. It is for the first time in the academic literature that Robert Sheckley's stories are being analyzed as philosophical plots. The author of the present research article underlines that being familiar with psychoanalysis and gestalt psychology, Robert Sheckley tried to define the predicting power of those stories. He shows that reality is often just a fragile picture created by our senses, emotions, memory, experience and imagination. The surrounding reality is, in fact, fictitious. It is comprised of a million of details that are rooted in our subconscious and may become evident at every given opportunity.

Key words: philosophy, literature, fantasy, psychoanalysis, gestalt psychology, technology, murder, cruelty, hallucinations, crime.

В рассказе «Страж-птица» Р. Шекли показал, что техника не способна избавить человечество от её собственных негативных последствий. Итак, изобретатели предложили избавить человечество от агрессии, палачества, жестокости. Они придумали такую железную птицу, которая способна заранее учесть злонамеренность убийцы или мучителя. Стоит преступнику приступить к выполнению своего замысла, как «страж-птица» поражает его мощным разрядным ударом. Можно подумать, будто вековая проблема

преступности уместается, как сказано в произведении, «в каком-нибудь фунте нержавеющей металла, кристаллов и пластмассы» [1, с. 71].

Однако первое очарование карающей птицей сменилось растерянностью. Вся жизнь на Земле основана на насилии. Крестьяне режут скот, тюремщики сажают убийцу на электрический стул, охотники убивают дичь. Но страж-птица не знает никаких чувств. Её нельзя ни подкупить, ни одурачить. Её невозможно также запугать. Металл и электроны рассуждают логично. Но их рассудочность иная,

чем у людей. Птицы способны лишь к механическому мышлению. «Страж-птицы учились очень быстро, познания их становились всё богаче, разнообразней. Отвлечённые понятия, поначалу едва намеченные, расширялись, птицы действовали на их основе – и понятия вновь обобщались и расширялись» [1, с. 81].

Эксперимент оказался неудачным. Разве так не бывает в машинной практике? Теперь дано указание запретить страж-птицам выполнять это несуразное для человеческой цивилизации задание. Но не тут-то было. Птицы уже научились защищать себя. После того как страж-птицы открыли, что они сами живые существа, в блоках их памяти появилось новое определение живого организма. Оно охватывает множество видов и подвидов. Теперь людям всё труднее совладать с собственным изобретением. Всевозможные планы «обесточивания» птиц не годятся. И тогда рождается новое предложение: В небо отправляются новые машины – Ястребы. Они призваны истребить страж-птиц. Техническую несурязицу изобретатели и политики хотят устранить с помощью ещё одной, более мощной машины.

Философский подтекст рассказа многослоен. Автор уклоняется от традиционной оппозиции: природа против техники, а техника против природы. Никакой идеализации домашней цивилизации у Шекли нет. Нет и идеализации человеческой природы. Людской жизненный уклад покоится на истреблении. Его по существу невозможно изменить. Убийство и насилие возведены в норму. Борьба с истреблением живых существ, они множат опустошение. Но техническая рассудочность не способна охватить всю глубину человеческого существования. Она сразу впадает в парадоксальность, поскольку ей присуща одномерная логика. Страж-птицы не отдают себе отчёта в том, что их активность, направленная на устранение преступности, привела к тому, что число убийств и насилий стало расти в геометрической прогрессии. Их определение убийства непрестанно расширялось, и обозначало теперь всё большее разнообразие разных процессов и событий. Знакомая бюрократическая логика, не так ли?

У Ястреба было одно назначение – убивать страж-птиц. Но техника способна к научению. Машина начинает понимать, что есть и другие живые существа, которые надо уничтожать. Таков злоеущий финал рассказа.

А вот рассказ «Теплее». Он необычным способом корреспондирует с современной квантовой парадигмой. Сколько сегодня рассуждений о множестве миров, о фиктивном восприятии реальности, о раздвоении личности, о призрачности чувств.

Некто Андерс собирается на вечеринку и вдруг осознаёт, что он влюблён в Джулию. Однако что такое любовь? Не является ли это состояние обычной игрой воображения, искажённым восприятием подлинной реальности? Не исключено, что данное чувство порождено взглядом или прикосновением. Такие рассуждения не так уж и далеки от современных трактовок любви в нейронауках. Справедливости ради отметим, что автор с ними не знаком. Он пользуется данными психоанализа и гештальт-психологии, которые завоевывали популярность в годы, когда он писал свои произведения. Но рассказ легко вписывается в квантовую парадигму.

В тот момент, когда Андерс завязывал шнурки, он услышал голос своего бессознательного. В посторонние голоса Андерс не верил, поэтому он испугался, что испытывает шизофреническое расщепление. Однако до такого диагноза дело не дошло. Андерс вспомнил, что однажды, когда он был ещё маленьким, он проснулся ночью и поразился, как странно выглядит комната и все предметы в ней. Мы убеждены, что наше восприятие отражает подлинную реальность. Но так ли это на самом деле? Ведь гештальтисты доказали, что один и тот же предмет может выглядеть иначе в восприятии разных людей. Можно ли с таким открытием ориентироваться в реальности?

Андерс приходит в замешательство, когда обнаруживает, что всякое общение предполагает различные стереотипы восприятия. Его возлюбленная Джули, которой он собирается сделать предложение, прежде награждала его улыбкой номер один. Это была улыбка хорошенькой девушки «не поймите-меня-превратно». Теперь она сменилась улыбкой номер два, которая годится для ситуации, когда влюблённый делает предложение. У Андерса неожиданно включается поисковый процесс. Теперь он воспринимает девушку как реагирующий механизм, который слегка выпячивает грудь. Ещё миг и он видит перед собой обтянутый плотью скелет. Конструкция из плоти перегруппировала свои конечности и раскрыла рот, обозначая удовлетворение.

Вот такой фокус раскрывает перед нами Шекли. Взгляните на нежное создание как на некую конструкцию. И что вы увидите. В этой фигуре не было точно пригнанных сочленений, не было фундаментальности, не было ничего, за исключением поверхностных реакций, вызванных посредством спорадических движений внутренних органов [1, с. 93]. Вот она современная приземлённая трактовка любви, которая рассматривается в нейронауках как болезнь. И Андерс осознаёт, что невеста в образе деперсонализированного механизма не особенно способствует влюблённости.

Шекли излагает идеи гештальт-психологии, но доводит их до парадокса. «Человек создаёт гештальты и вырезает форму из избытка ничто. Вроде как начертив линии, заявить, что они выражают фигуру. Мы смотрим на массу материала, отделяем ненужное и говорим, что это человек. На самом деле такого объекта не существует, а есть лишь человекоподобные признаки, которым мы по близорукости придаём значение человека. Да и в соединении и отправной точке зрения» [1, с. 94]. Под этим суждением подписались бы современные адепты квантовой парадигмы.

Наблюдая за гостями, Андерс вдруг осознаёт, что каждый из них не обладает индивидуальностью. Каждый из них воспринимается, как дискретные кусочки плоти, собранные в некий временный гештальт. Дальнейшие события в рассказе представляют собой торжество абсурда. Андерс созерцает непривычную картину: «Кусочки плоти являлись частью декорации зала и почти не различались на общем фоне. Они сливались воедино с огнями, придававшими им едва заметные очертания. Они были объединены с звуками, которые сами же и производили, небольшим количеством полуслышных полутонов в огромной гамме звукоряда. Они были внедрены в стены» [1, с. 95]. Андерс видит не самих людей, а их модели. Впрочем, фигуры и их тени постоянно преображаются. Вот некий дискретный кусочек плоти, который хочет убедить других людей в своей реальности. Этой цели служит галстук кричащей расцветки. Покинув гостей, Андерс убеждается в том, что обретенное восприятие реальности превращает людей в скопление атомов. Перед Андерсом возникают различные конфигурации атомов, претендующих на твёрдость, смысл и интеллект. Причём эти атомы распределены хаотично, они не подвластны никаким структурам. Эти скопления атомов могут неожиданно исчезать. Переменчивый и призрачный мир...

У Шекли есть описания будущих веков. И вновь перед нами мир, вывороченный наизнанку. В рассказе «Терапия» Шекли знакомит нас с человеком 2103 года, который заражён манией убийства. Одной частью своего существа Элвуд Кэвел понимает, что убивать нехорошо. Но его томит сильное желание умертвить Мэгнесена. Если желание сильное, разве это может быть неприемлемым? Элвуд заходит в магазин «Домашние терапевтические приборы». Здесь он пытается купить терапию. Продавец мгновенно ставит диагноз и проявляет любознательность. Он интересуется происхождением мании, чтобы провести различие между шизофреническим маниакально-депрессивным вариантом.

Элвуд получает в магазине замечательную машину с большим запасом прочности, предназна-

ченную действительно для тяжёлых, застарелых случаев. Покупатель честно признаётся, что собирается убить своего друга. Это признание не смущает продавца. Он просит Эдвуда ознакомиться с инструкцией, которая находится внутри машины и уверен, что тот избавится от своей нечистоплотной привычки. Однако неожиданно выясняется, что продавец продал не ту модель, а всучил машину, предназначенную для механотерапии марсиан. К сожалению, у марсиан никогда не проявлялась склонность к убийству. Итак, терапия будущего должна учитывать расовые особенности жителей дальних и ближних планет.

Герой рассказа болезненно переживает подлый поступок Мэгнесена, который обесчестил и бросил его сестру. Теперь, следуя инструкции, он приступил к терапии, борясь с искушением убийства. Регенератор начал изучать его подсознание, чтобы разобраться в диагнозе. Но комизм сюжета в том-то и состоит, что прибор не рассчитан на землян. Причудливость симптомов рождает сомнение и растерянность у машины. Однако диагноз всё-таки дан. Речь идёт о классическом случае фим-мании, осложнённой сильной дварк-наклонностью.

Между тем служащие магазина ищут исчезнувшего покупателя. Они понимают, что машина будет всё равно лечить пациента, но от болезни, которая в какой-то степени близка к марсианским диагнозам. В результате может возникнуть у пациента фантастическая система галлюцинаций. Машина может сработать наоборот. Она создаст психоз вместо того, чтобы его устранить.

Элвуд в это время рассказывает машине о своём детстве, об отце с матерью, о старшем брате. Но регенератор попросил его отбросить эти фантазии. По мнению машины, отношение пациента к воображаемому родителю, или сиблингу носят фиктивный характер. Они не рожают у машины никаких диагностических идей

Машина в первую очередь интересуется отношением больного к горике. Так на Венере называется дерево, которое кормит младенца вплоть до полового созревания. Шекли в данном случае создаёт остроумную пародию на психоанализ. У пациента обнаруживается потребность дварковать какому-нибудь влنديшным способом. Элвуд протестует: никакая горика его не вскармливала. Но машина настаивает на своей экспертизе. В результате пациент берёт револьвер и отравляется убить Мэгнесена.

Наконец, служащим магазина удаётся разыскать Элвуда. Они приносят извинения за проданную машину и обещают заменить её земной моделью. Но Элвуд отказывается от предложения. Он

заявляет, что потребность в убийстве у него исчезла. Однако, оставшись один в своей квартире, Элвуд мстительно мечтает о том, как будет дварковать Мэгнесена влендишным способом. Венерианский опыт оказался кстати.

Фантазия Р.Шекли неистошима. Он предупреждает человечество о том, что жажда мести, злобность человеческой натуры беспредельны. Знакомство с другими мирами способно лишь раз-нообразить способы сатанинского воздаяния.

Список литературы:

1. Шекли Роберт. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1993.
2. Веселовский Александр. Избранное: На пути к исторической поэтике. М.: Автокнига, 2010. 688 с.
3. Звучащие смыслы. Альманах. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. 784 с.
4. Глебкин Владимир. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 368 с.
5. Померанц Григорий. Страстная односторонность и бесстрастие духа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 618 с.
6. Спинова Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 336 с.

References (transliterated):

1. Shekli Robert. Sobr. soch.: v 4 t. T. 1. M., 1993.
2. Veselovskii Aleksandr. Izbrannoe: Na puti k istoricheskoi poetike. M.: Avtokniga, 2010. 688 s.
3. Zvuchashchie smysly. Al'manakh. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007. 784 s.
4. Glebkin Vladimir. Smena paradigm v lingvisticheskoi semantike: ot izolyatsionizma k sotsiokul'turnym modelyam. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2014. 368 s.
5. Pomerants Grigorii. Strastnaya odnostoronnost' i besstrastie dukha. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2014. 618 s.
6. Spirova E.M. Filososfsko-antropologicheskoe soderzhanie simvola. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2012. 336 s.